

УДК 398.2 (=512.151/.157)
ББК 82.3(2)

«Медные» эпитеты в якутском и алтайском эпосах

**Раиса Васильевна Корякина,
Светлана Никифоровна Павлова**

(Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова:
Российская Федерация, 677077, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58)

Аннотация. В статье рассматриваются «медные» эпитеты, образованные от номинации металла «медь», в якутских и алтайских эпических текстах. Цель статьи — определение семантики, функций данных эпитетов и выявление особенностей их функционирования в эпосах якутов и алтайцев, имеющих этническую и историческую общность в глубокой древности. Актуальность темы обусловлена ее недостаточной изученностью в сравнительно-сопоставительном ракурсе. Материалом для исследования послужили тексты якутских олонхо и алтайских эпосов. Было установлено, что эпитеты дьэс 'красномедный' (як.) — јес 'медный' (алт.), алтан 'медный' (як.) — алтын 'золотой' (алт.) созвучны; совпадает часть определяемых слов эпитетов и их функционирование. Выявленные сходства подтверждают формирование этих эпосов в едином этническом и временном пространстве в глубокой древности. Также установлено, что в якутских олонхо эпитет алтан 'медный' используется, когда речь идет о мире айыы, и имеет дополнительную коннотацию 'добротный, красивый', а эпитет дьэс 'красномедный' — когда говорится о Нижнем мире и имеет дополнительную коннотацию 'внушающее страх, опасность'. В алтайском эпосе эпитет јес 'медный' приобретает положительную или отрицательную коннотацию в зависимости от определяемого слова, обозначающего предмет, относящийся к миру людей (јес јебе, јес чирее(де), јес тайак) или подземному миру (јес сырга, јес тумчук, јес улом), отражая дуалистический характер эпического мира.

Ключевые слова: якутское олонхо, алтайский эпос, сравнительно-сопоставительный анализ, «медные» эпитеты, денотативное значение, коннотативное значение.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Эпический памятник нематериальной культуры якутов: текстологический, типологический, когнитивный и историко-генетический аспекты».

Дата поступления статьи: 8 апреля 2023 г.

Дата публикации: 25 июня 2023 г.

Для цитирования: Корякина Р. В., Павлова С. Н. «Медные» эпитеты в якутском и алтайском эпосах // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 2. С. 22–33.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.2.002>

ВВЕДЕНИЕ

Эпитет — художественно-изобразительное средство, которое использовалось художниками слова с незапамятных времен. В нашей работе мы будем придерживаться определения эпитета А. В. Павшук:

«Эпитет — художественное определение (определение в эстетической функции) предмета, лица, явления, процесса, ситуации, выделяющее, подчеркивающее, усиливающее существенный, с точки зрения автора, признак, который может

повторять или подновлять значение определяемого слова, быть типичным и неотъемлемым для целого класса предметов, индивидуальным признаком конкретного предмета, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [Павшук 2007]. Все изложенное можно в полной мере отнести к употреблению эпитета в якутском и алтайском эпосах. Как известно, эпитет является «излюбленным» средством в фольклоре в целом, и в частности в эпосе всех народов. Многоцветная палитра эпитетов, которые служат характеристике образов, описанию природы и предметов окружающей действительности, раскрытию героической идеи, во многом определяет своеобразие каждого национального эпоса.

Поэтика фольклора, его художественная система, художественно-образительные средства, в том числе эпитеты, рассмотрены в фундаментальных трудах В. М. Гацака, В. М. Жирмунского, В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского, И. В. Пухова и др. Л. В. Роббек справедливо отмечает, что «наибольший интерес эпитет олонхо представляет в плане изучения семантики фольклорного слова, т.к. содержание фольклорного слова в эпитете максимально “сжато”, что создает особое обилие дополнительной, коннотативной семантики в эпитетном пласте языка олонхо» [Роббек 2009, 10]. И. В. Пухов писал о существовании генетической общности якутских олонхо с алтайским героическим эпосом, что «такая общность между предками якутов и алтайцев существовала в период не позднее IX–X вв., максимум XI в. н. э.» [Пухов 2003, 73]. Однако после этого времени эпос двух родственных этносов распался. Тем интереснее, что в течение почти тысячи лет в условиях раздельной истории развития этих народов удивительным образом сохранились стилистические и сюжетно-композиционные элементы древнейшего единого эпического творчества [Иванов 2013, 55].

В данной статье рассматриваются «медные» эпитеты, образованные от

номинации металла «медь», в якутском и алтайском эпических текстах: *алтан* ‘медный’, *дьэс* ‘красномедный’ (як.) и *јес* ‘медный’, *куулы* ‘желтомедный’ (алт.). Цель статьи — описание функций данных эпитетов и выявление особенностей их функционирования в эпосах якутов и алтайцев, имеющих этническую и историческую общность в глубокой древности. Актуальность проведенного исследования обусловлена недостаточной изученностью семантики и функционирования медных эпитетов в текстах якутского и алтайского эпосов в сравнительно-сопоставительном ракурсе. В исследовании были использованы метод сплошной выборки, метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, количественный метод и метод сравнительно-сопоставительного анализа. Примеры эпитетов были отобраны методом сплошной выборки из якутских олонхо: «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина (далее — НБ); «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова (КК); «Кыыс Дэбилийэ» Н. П. Бурнашева (КД); «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева (ЭС) и алтайских эпосов: «Маадай-Кара» А. Г. Калкина (М-К) и «Алтай-Буучай» Н. Улагашева (А-Б). Рассмотренные примеры сопровождаются сокращенным названием олонхо. Готовые переводы примеров на русский язык взяты из вышеназванных изданий. При толковании семантики устаревших слов используется трехтомный Словарь якутского языка Э. К. Пекарского с указанием в ссылке номера столбца и переизданный Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка протоиерея Василия Вербицкого [Вербицкий 2005]. Ранее на данном материале в сравнительно-сопоставительном аспекте были рассмотрены эпитеты, образованные от номинаций металлов «железо» [Корякина 2022], «золото» и «серебро» [Корякина 2020].

Таблица 1

«Медные» эпитеты в якутском и алтайском языках

Эпитет	Перевод на русский язык
Алтан (як.)	Медный
Дьэс (як.)	Красномедный
Јес (алт.)	Медный
Куулы (алт.)	Желтомедный

ЭПИТЕТ АЛТАН ‘МЕДНЫЙ’ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО

Лексема *алтан* во всех тюркских и монгольских языках означает ‘золото’: алт. *алтын*, хак. *алтын*, тув. *алдын*, шор. *алтын*, монг. *алтан*, но в современном якутском языке — ‘медь’. Только в некоторых словосочетаниях (*алтан түөстээх далбарайым* ‘златогрудый мой птенчик’, *алтан сэргэ* ‘золотая коновязь’ и др.), которые часто встречаются в фольклоре, включая олонхо, она сохраняет исконное общетюркское значение ‘золото’, ‘золотой’ [Корякина 2020, 120–121].

Из текстов якутского олонхо выписаны 25 примеров эпитета *алтан* ‘медный’ (для сравнения: 27 примеров с эпитетом *алтан* в значении ‘золотой’). Определяемые слова (далее — сокращенно о/с): *тайах* ‘посох, трость’ [Пекарский 1959, т. 3, стб. 2528], *куйах* ‘панцирь, кольчуга’ [Пекарский 1958, стб. 1199], *ыаҕас* ‘ведро’, *орон* ‘спальная лавка’ [Пекарский 1959, т. 2, стб. 1870]. Примеры:

1. [Адына Баай Тойон]

Аарыктаах алтан тайаҕыттан¹

тардыстан олорон

Маккыраччы ытыы олорор эбит

([Аджына Баай Тойон])

на медную трость с погрешками
опираясь,
навзрыд рыдая, сидит, оказывается)
[КД 1993, 148–149].

2. *Аҕыс кырылылаах алтан куйахтаах*

Аан Даадар Бухатыыр диэн

(восьмигранным медным щитом
владеющий Аан Даадар Бухатыыр)
[Там же, 270–271].

3. *Алта атахтаах айгыраабат*

алтан оронно

Аҕаланнар олордон кэбистилэр

(на прочную шестиную

медную лавку
бережно усадили)
[Там же, 274].

В данных примерах речь идет о медном посохе одного из родоначальников племени айыы аймага — Аджына Баай Тойона, у которого похитили любимую дочь, красавицу Ханчылаан Куо; о медной

кольчуге отважного богатыря айыы Чугдаан Бухатыыра; о (спальной) лавке, на которую усадили девушку-богатырку айыы Кыыс Дэбилйэ. Девушка-богатырка прибыла по зову Аджына Баай Тойона, чтобы выволить его похищенную дочь из Нижнего мира. Здесь эпитет *алтан* ‘медный’, помимо денотативного значения, указания на материал, из которого изготовлены упомянутые предметы, выступает с дополнительной положительной коннотацией ‘добротный, превосходного качества’, так как речь идет о вещах, принадлежащих представителям племени айыы аймага небесного происхождения. То есть в данных примерах «...эпитет придает существительному точную зрительную или иную определенность, заставляя слушателя или читателя видеть или воспринимать предмет так, как этого хочет певец, как это нужно для данного повествования» [Пропп 1958, 524], и, хотя о/с обозначают предметы повседневного обихода, эпитет *алтан* ‘медный’ служит для подчеркивания высокого социального статуса этих персонажей.

ЭПИТЕТ ДЬЭС ‘КРАСНОМЕДНЫЙ’ В ЯКУТСКОМ ОЛОНХО

Из текстов якутского олонхо выписаны 27 примеров эпитета *дьэс* ‘красномедный’ [Пекарский 1958, стб. 816]. О/с: *эмэгэт* ‘идол’; *болот* ‘древний короткий меч’ [Там же, стб. 494]; *кылыс* ‘старинный нож, сабля’ [Пекарский 1959, т. 2, стб. 1389]; *куөс* ‘посуда для варки пищи, горшок’ [Там же, стб. 1321]; *харах* ‘глаз’:

1. *Ол бу*

эн эптит тылыг иччитэ

иккилээх оҕо саҕа баран,

дьэс эмэгэт буолан этэ дьэһийбитэ...

(Дух — хозяин слов, тобою сказанных,

достиг моего уха

в виде медного идола

величиной с двухлетнего ребенка)

[НБ 1947, 156–157].

2. *Дьэс эмэгэт иччилэрэ*

Арбайа сүүрбүт абаһылара,

Сүөдэйэ сүүрбүт сөнүөккэлэрэ

Эйэнни сылдьан эрэ

Ытыта суохха айылаах

Иннигэр-кэннигэр

¹ Здесь и далее в цитируемых текстах выделения наши. — Р. К., С. П.

Элэнгээн көрбүттэрэ да...
(медные идолы-духи,
 беспорядочно мельтешащие бесы,
 тенью мелькающие домовые,
 суетливо забегая,
 не желая его пропускать,
 сзади и спереди
 замелькали-замельтешили было...)
 [ЭС 1996, 124–125].

Древние якуты верили в силу слова, они одухотворяли не только окружающую природу, но и считали, что слова также имеют «иччи» — своего «духа-хозяина» [Алексеев 2008, 234]. Так, в первом примере выражением *дьэс эмэгэт* ‘медный идол’ обозначается оживший дух слов мольбы богатыря айыы Нюргуна Боотура о спасении, обращенных им в смертный час к его небесной сестре, удаганке Айыы Умсуур. Этот оживший идол ‘величиной с двухлетнего ребенка’ добирается до Верхнего мира прямо до удаганки, и та, вопреки воле Верхних божеств, устремляется на помощь к брату. Во втором примере подобные медные идолы и вовсе бегали-мельтешили среди всякой нечисти в Нижнем мире, куда спустился Модун Эр Соготох, преследуя богатыря абаасы Таас Джантаар Дара Буурая. В этих примерах эпитет *дьэс* приобретает дополнительное коннотативное значение ‘связанное со сверхъестественным’, т.е. ‘внушающее страх, опасение’, и служит для эмоционально окрашенной характеристики ожившего неживого существа эпического мира. Выражение *дьэс эмэгэт* ‘медный идол’ встречается в текстах нескольких олонхо, это указывает на то, что эпитет *дьэс* ‘красномедный’ является постоянным эпитетом лексемы *эмэгэт* ‘идол’ и его дополнительное коннотативное значение ‘связанное со сверхъестественным’, т.е. ‘внушающее страх, опасение’, также является постоянным. Далее:

Отут көстөөх сиринэн
Уһуутаан охсуллар
Дьэс туруут уот илбис
Сытыы кылыс болотунан
Түгэбиттэн ылан,
Түгнэри анньан кэбиспитэ
 (тогда, выхватив на тридцать верст окрест грозно звенящий,
медно-красный огненно-кровожадный обоюдоострый меч,

под жилище подсунув,
 его опрокинул...)
 [ЭС 1996, 124–125].

В данном случае, в отличие от других примеров, где речь шла о связанных с Нижним миром существах, эпитет *дьэс* ‘красномедный’ служит для усиления «оживляющих» и устрашающих эпитетов (*отут көстөөх сиринэн уһуутаан охсуллар* ‘на тридцать верст окрест грозно звенящий’, *уот илбис* ‘огненно-кровожадный’, *кылыс* ‘обоюдоострый’), характеризующих меч в руках богатыря айыы Эр Соготоха. Думается, что его использование объясняется тем, что богатырь айыы на данный момент находится тоже в Нижнем мире и сражается с многочисленными чудовищами-абаасы, чтобы освободить Туналыкаан-Куо. Тут уместно вспомнить высказывание С.Ю. Неклюдова о том, что «для успешного выполнения своей миссии — очищения земли от чудовищ — герой должен быть соизмерим с ними и даже уподоблен им» [Неклюдов 1996, 111]. В примере:

Дьэс харахтарын тиэрэ көрөн,
Иирэр өлүүгэ тэптэрэн,
Илгистэн-мэнийэн барбыттара...
(медно-красные глаза свои вытаращив,
 в безумие впад,
 бесновались-бесились...)
 [КД 1993, 220–221].

Эпитет *дьэс* ‘красномедный’ позволяет зримо обрисовать вид поверженных богатырей Нижнего мира с потемневшими красными глазами в предсмертной агонии, и он, помимо денотативного, характеризуется эмоционально-экспрессивным, отрицательным наполнением. Далее:

Улүскэннээх урдүк манган халлаан
диэкилтэн
Дьэс алтан күөһү түгнэри уурбут курдук
Кыһыл эбир түһэн кээспитин...
 (свириное высокое белое небо
 словно дно **красномедного** опрокинутого
котла,
 Красной рябью покрылось...)
 [ЭС 1996, 92–93].

2. *Икки чэчэгэйттэн үөскээбит*
Дьэбиннээх дьэс алтан харахтарын
Хайа хайдыбытын курдук
Хаһылыччы көрбүт эбит

(около двух висков угнездившиеся,
ржавые **красно-медные глаза**,
будто из расщелины гор,
из глубины зло глядят, оказывается)
[КД 1993, 134–135].

В данных примерах в сочетании *дьэс алтан*, которое состоит из двух номинаций меди в якутском языке, указанные эпитеты выступают в денотативном значении с дополнительной отрицательной коннотацией, вытекающей из контекста эпической формулы. В первом случае все небо покрывается красной рябью после исчезновения новорожденного сына Старика Сир Сабыйа Баай Тойона и перед появлением Айыы Джаргыл-шаманки в образе стерха, т.е. изображение неба отражает смятение и страх героев олонхо. Во втором примере эпитет *дьэс алтан* служит для описания страшных глаз богатыря абаасы Дыгыйдаан Бөгө (1427–1493), отрицательная коннотация эпитета усиливается уточняющим эпитетом *дьэбиннээх* ‘ржавый’.

Следует отметить, что эпитеты *дьэс алтан* встречаются вместе только в сочетании с *о/с күөс* ‘горшок’, *харах* ‘глаз’. Как справедливо утверждал В.П. Аникин, в данном случае «эпитеты фиксируют ставшее традиционным характерное для народной массы восприятие мира, передающее общие свойства осмысления реальности» [Аникин 1977, 159].

Таким образом, при рассмотрении семантики и функций эпитетов *алтан* ‘медный’, *дьэс* ‘красномедный’ в якутском олонхо выявлено: по структуре они корневые, производные от лексем, обозначающих наименование металлов *алтан* ‘медь’, *дьэс* ‘красная медь’; в денотативном значении характеризуют объекты по материалу, из которого они изготовлены, при этом эпитет *алтан* ‘медный’ используется, когда говорится о предметах, принадлежащих представителям племени айыы аймага, и приобретает дополнительную положительную коннотацию ‘добротный, превосходного качества’; эпитет *дьэс* ‘красномедный’ — если речь идет о Нижнем мире и имеет дополнительную отрицательную коннотацию ‘внушающее страх, опасение’; устойчивое сочетание *дьэс алтан* служит постоянным эпитетом к *о/с күөс* ‘горшок’, *харах* ‘глаз’; по частоте использования в тексте олонхо эпитеты

алтан ‘медный’ (25), *дьэс* ‘красномедный’ (27) в сравнении с другими «металлическими» эпитетами относятся к употребительным после *тими́р* ‘железный’ (174), *уру́н көмүс* / *көмүс* ‘серебряный’ (141), *кыһыл көмүс* / *алтан* ‘золотой’ (64):

Таблица 2

Частота использования «металлических» эпитетов в тексте олонхо²

Эпитет в современном языке / в исконном общетюркском значении	Перевод на русский язык	Частота использования	Итого
Тими́р / тими́р	Железный	174	174 ¹
Уру́н көмүс / көмүс	Серебряный	26/115	141 ²
Кыһыл көмүс / алтан	Золотой	37/27	64 ²
Алтан / дьэс	Медный/красномедный	25/27	52
Ыстаал	Стальной	8	8
Чугуун	Чугунный	3	3

ЭПИТЕТЫ *ЈЕС* ‘МЕДНЫЙ’, *КУУЛЫ* ‘ЖЕЛТОМЕДНЫЙ’ В АЛТАЙСКОМ ЭПОСЕ ЧӨРЧӨК

Методом сплошной выборки из текстов алтайских эпосов чөрчөк выписано 22 примера с эпитетом *јес* ‘медный’ (*јес* ‘медь’) [Вербицкий 2005, 92] и два примера с эпитетом *куулы* ‘желтомедный’ (*куулы* ‘желтая медь’) [Там же, 156]. *О/с* эпитета *јес* ‘медный’ можно условно разделить на три группы.

1. Лексемы, обозначающие предметы обихода положительных героев эпоса: *чирее(де)‘ложе*’ [М-К 1973, 255], *тайак* ‘трость, богот, палка, посох’ [Вербицкий 2005, 328]. Примеры:

Тогзон кырлу таш өргөөдө,
Јети бутту јес чирееде
Маадай-Кара бу өбүгөн
Уйуктап-ий јатпай кайтты
[М-К 1973, 71].
(На медном ложе о семи ножках
Сам старик Маадай-Кара

² Показатели частоты использования взяты: [Корякина 2020, 121; Корякина 2022, 42].

Крепко спит, оказывается)
[М-К 1973, 255].

*Алтай ээзи бу абакай түйшпей кайтты,
Тизе жабар кеб иле жок, жылангаи эмпир
Тизе жабар кеб иле жок, жылангаи эмпир
Тилге салар ажы ла ј
ок куру эмпир.*

*Сол колында јес тайакту,
Он колында куулы тайакту,
Јетен јашка једе берген...*

(Хозяйка Алтая, почтенная старуха,
спустилась,

У нее нет одежды, покрывающей
колени, —
ничего не носит,

Нет пищи, чтобы положить на язык, —
ничего не имеет.

В левой руке — **красномедный посох**,
В правой руке — **желтомедный посох**.
К семидесяти годам приблизилась, ...) [Там же, 106].

*Јес тер куулы бу тайагын эм тайанып
Кара тайга бу бажына*

*Ўч тыштанып чыкнай кайтты
(На красномедный посох опираясь,
На вершину черной горы,
Три раза в пути отдыхая, поднялась).
[Там же, 107].*

В данных примерах речь идет о ложе Маадай-Кара и посохе духа — хозяйки Алтая. Здесь эпитет *јес* ‘медный’ выступает в денотативном значении, указывая, из какого материала изготовлены эти предметы обихода, но содержит также положительную дополнительную коннотацию ‘добротный, красивый’, так как речь идет об альпе почтенного возраста, обладающем высоким социальным статусом, и об одном из постоянных персонажей алтайского эпоса — духе земли Алтая, имеющем высокий моральный статус. Одной из ветвей эпического творчества тюркоязычных народов Южной Сибири является тувинский эпос. Как верно отмечает тувинский фольклорист С.М. Орус-оол, «...эпитеты, определяющие материал, из которого сделан тот или иной предмет (*ахдын* — ‘золотой’, *демир* — ‘железный’, *шил* — ‘стеклянный’, *кац* — ‘стальной’, *моцгун* — ‘серебряный’), <...> описывают приметы предметного мира эпоса и имеют эпически идеализирующий характер [Орус-оол 1997, 30]. Такую же функцию выполняет в данных примерах эпитет *јес* ‘медный’.

Интересно, что в обоих примерах, где говорится о духе — хозяйке Алтая, в качестве контекстуального синонима к эпитету *јес* ‘медный’ дается эпитет *куулы* ‘желтомедный’. Заметим, что в рассматриваемых эпосах страна героев, земля Алтая, представлена гиперболизировано, как край счастья и изобилия. «Это край величественных гор, «под луной дугой протянувшихся», богатых пастбищ, где бродит «многочисленный разномастный скот» [Пухов 1973, 46]. Жители Алтая проникнуты любовью к родной земле и почтением к духу — хозяйке этой земли, которая предстает в образе престарелой старухи. Как пишет исследователь алтайского эпоса А.А. Конунов: «В алтайских героических сказаниях эпитеты чаще всего — постоянные, т.е. эпитет и определяемое слово выступают как смысловое целое» [Конунов 2014, 323]. Здесь мы наблюдаем, что оба эпитета, *јес* ‘медный’ и *куулы* ‘желтомедный’, являются постоянными к о/с тайак ‘посох’, образуя смысловое целое «необычный посох» или «магический посох», так как он принадлежит мифическому персонажу — хозяйке Алтая.

2. Лексемы, обозначающие предметы вооружения богатырей: *јебе* ‘стрела; железный наконечник стрелы’ [Алтурус. словарь 2018, 195], *улом* ‘лом’, *кынјы* ‘цепь’ [Вербицкий 2005, 163]. Примеры:

1. *Јети кырлу јес јебени*

*Јер-энези алып берди
(Семигранную медную стрелу
Мать-Земля подала)
[А-Б 2016, 48].*

2. *Јес кынјыны мойнына сугуп,*

*Чой терекке буулап салды
(Медную цепь ему на шею надел,
К чугунному тополю его привязал)
[М-К 1973, 245].*

3. *Эрлик-бийдинг эрке кара*

*Балазынын на жылары.
Тогзон пуд-ы чой токпокту бу болуптыр,
Јетен пуд-ы јес уломду бу болуптыр
[Там же, 130].*

(Они друзья
Любимой дочери Эрлик-бия.
Девяностопудовая чугунная колотушка
у них есть,
Семидесятипудовый медный лом у них есть)
[Там же, 316].

4. Тогзон пуд-ы чой токнок тор
 Тогус башка сына берди.
 Јетен пуд-ы јес уломы
 Јети башка сына берди
 (90-пудовая чугунная колотушка
 На девять частей сломался.
 70-пудовый медный лом у них
 На семь частей сломался)
 [М-К 1973, 133].

В сочетании с определяемыми словами данной группы эпитет *јес* реализует, помимо денотативного значения — указания, из какого материала изготовлены данные предметы, — и коннотативное. При этом, когда говорится о богатырском вооружении алыпта Алтай-Буучая, а именно о медной стреле (*јес јебе*), которую ему вручает хозяйка Алтая Мать-Земля, он приобретает дополнительную положительную коннотацию ‘разящий врага’, ‘не знающий промаха’. А когда речь идет о вооружении двух жестоких одинаковых черных богатырей (*Јетен пуд-ы јес уломы*), то дополнительную отрицательную коннотацию ‘устрашающий’, ‘несущий смерть’.

Далее, в тексте алтайского эпоса «Маадай-Кара» в эпической формуле-описании вооружения богатырей наблюдается явление эпической вариации (примеры 2, 3, 4): *Јес кынјы* — *Чой терек* ‘медная цепь — чугунный тополь’, *Тогзон пуд-ы чой токнок* — *Јетен пуд-ы јес улом* ‘Девяностопудовая чугунная колотушка — Семидесятипудовый медный лом’. В этой вариации синонимом эпитета *јес* выступает другой «металлический» эпитет — *чой* ‘чугунный’. Эпическая вариация, по Стеблину-Каменскому, представляет собой повторение уже сказанного другими словами [Стеблин-Каменский]. Она является как бы семантической аллитерацией, повторением значения в различных вариациях для создания образности в эпическом повествовании.

3. Лексемы, служащие для описания внешности отрицательных героев эпоса: *алгый* ‘котелок (дорожный)’ [Вербицкий 2005, 19], *чойгӧндий* ‘чайник’ [Там же, 434], *сырга* ‘серьга’ [Там же, 323], *тумчук* ‘нос, верхняя губа’ [Там же, 376]. Примеры:

*Эрлик-бийдин эрке кара
 Абрам-Моос Кара Таајы
 <...>
 Јес алгыйдый јес сыргалу,
 Јес чойгӧндий јес тумчукту*

[М-К 1973, 145]
 (<Это> была любимая черная
 Дочь Эрлик-бия
 Абрам-Моос Кара-Таади.
 Медные серьги ее — как медные котелки,
 Медный нос ее — как медный чайник)
 [Там же, 332].

*Абрам-Моос Кара Таајы
 Кӧгӧудей-Мерген баатырларды кӧргӧн
 мынча*

*Тургуза ла ол јерине
 Јес алгыйдый јес сыргалу,
 Јес чойгӧндий јес тумчукту
 Куу башту, ийнедий тишиштӱ,
 Јебелек эмеген бол кубулды.
 Јес тумчукту Јебелек эмеген
 Јетен алыпка айдып турды
 [Там же, 210]
 (Абрам-Моос Кара-Таади,
 Как только увидела богатырей
 Когюдей-Мергенов,
 Тотчас на месте, <где стояла>,
 За семьдесят лет перевалившей
 Старухой Дьебелек обернулась —
 С медными серьгами, похожими на
 медный котел,
 С медным носом, похожим на медный
 чайник,
 С тонкими, как острия иголки, зубами.
 Медноногая старуха Дьебелек
 Семидесяти слугам приказала)
 [Там же, 398].*

*Јес тумчукту Јебелек эмеген
 Секиртпекке удур келди
 [Там же, 218]
 (Медноногая старуха Дьебелек
 На рыжем мотыльке верхом
 Прыгну навстречу попалась)
 [Там же, 407].*

Все эти лексемы входят в состав эпической формулы-описания дочери подземного алыпта Эрлик-бия, Абрам-Моос Кара-Таади (3343–3375) и старухи Дьебелек, в которую она превращается, чтобы чинить препятствия Когюдей-Мергену, и в этих примерах эпитет *јес* ‘медный’ является постоянным эпитетом, характеризующим данный отрицательный персонаж алтайского эпоса. Как справедливо отмечает исследователь древнеиндийского эпоса С. Л. Невелева, постоянство эпитетов в эпических текстах обусловлено статичностью качеств,

присущих как эпическим персонажам, так и предметам, наполняющим эпический мир [Невелева 1979, 20]. В данном случае эпитет *jes* ‘медный’ приобретает отрицательную коннотацию ‘некрасивый, неприглядный’, так как украшение и нос дочери Эрлик-бия уподобляются закоптелой кухонной утвари.

Таким образом, при рассмотрении функционирования эпитетов *jes* ‘медный’, *куулы* ‘желтомедный’ в алтайском эпосе чорчок выявлено: по структуре они корневые, производные от лексем, обозначающих наименование металлов *jes* ‘медь’, *куулы* ‘желтая медь’; в денотативном значении характеризуют объекты по материалу, из которого изготовлены; эпитет *куулы* ‘желтомедный’ обнаруживается только два раза: в сочетании с о/с *тайак* ‘посох’ в описании духа — хозяйки Алтай в образе старухи. При этом появляется в качестве эпической вариации эпитета *jes* ‘медный’, усиливая его положительную дополнительную коннотацию ‘добротный, красивый’, и тем самым служит для создания эпической образности; эпитет *jes* ‘медный’ приобретает положительную или отрицательную коннотацию в зависимости от о/с, обозначающего предмет, относящийся к миру людей (*jes jebe*, *jes chirее(де)*, *jes тайак*) или подземному миру (*jes сырга*, *jes тумчук*, *jes улом*), отражая дуалистический характер эпического мира в алтайском эпосе; эпитет *jes* ‘медный’ по частоте использования в тексте эпоса (24) в сравнении с другими «металлическими» эпитетами относится к употребительным после *алтын* ‘золотой’ (300) и *темир* ‘железный’ (57):

Таблица 3

Частота использования «металлических» эпитетов в алтайском эпосе³

Эпитет	Перевод на русский язык	Частота использования
Алтын	Золотой	300 ¹
Темир	Железный	57 ²
Жес / куулы	Медный / желтомедный	22/2
Кўлер	Бронзовый	16
Кўмўш	Серебряный	12 ¹
Чой	Чугунный	12

Из числа других металлических эпитетов контекстуальным синонимом эпитета *jes* выступает *чой* ‘чугунный’ и служит для создания образности в эпическом повествовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало проведенное исследование, рассмотренные «медные» эпитеты используются в эпических текстах якутов и алтайцев при описании следующих элементов повествования: предметов обихода, вооружения богатырей, явлений природы. При этом информативность эпитетов *алтан* ‘медный’, *дъэс* ‘красномедный’ в якутском и *jes* ‘медный’, *куулы* ‘желтомедный’ в алтайском эпосах, заложенная в семантике слова и выявляющаяся в сочетаниях с определяемыми словами, велика — они выражают мировоззрение своего народа, его оценку окружающего. То есть «медные» эпитеты являются неотъемлемой частью «языка фольклора — этой сложной живой системы, закодировавшей информацию о человеческом бытии, традиции и культуре этноса» [Чертыкова 2022, 5]. Установлено:

— эпитеты *дъэс* ‘красномедный’ (як.) — *jes* ‘медный’ (алт.), *алтан* ‘медный’ (як.) — *алтын* ‘золотой’ (алт.) созвучны; по структуре — корневые, производные от лексем, обозначающей наименование металла, и в денотативном значении характеризуют объекты по материалу, из которого они изготовлены; эпитеты *алтан* ‘медный’, *дъэс* ‘красномедный’ (як.), *jes* ‘медный’, *куулы* ‘желтомедный’ (алт.) являются общефольклорными; по частоте употребления «металлических» эпитетов в эпосе занимают третье место;

— совпадает заметная часть о/с эпитетов *jes* (алт.) и *алтан* (як.) ‘медный’ (як.): *тайак* ‘посох’ (алт.) — *тайах* ‘посох’ (як.), *чирее* ‘ложе’ (алт.) — *орон* ‘(спальная) лавка’ (як.); *алгый* ‘котелок (дорожный)’ (алт.) — *күөс* ‘посуда для варки пищи, горшок’ (як.). Функционирование эпитетов в сочетании с данными определяемыми словами также совпадает: 1) эпитеты выступают в денотативном значении с положительной дополнительной коннотацией ‘добротного качества, красивый’; 2) сочетания эпитетов *дъэс алтан* и *jes* с о/с *күөс* ‘посуда для варки пищи, горшок’ (як.)

³ Показатели частоты использования взяты: [Корякина 2020, 121; Корякина 2022, 42].

и *алгый* ‘котелок’ (алт.) в обоих эпосах являются компонентом сравнения и служат в якутском эпосе для создания зрительно осязаемой картины внушающего опасение природного явления; в алтайском эпосе — для усиления отталкивающей портретной характеристики дочери подземного алыпя Кара-Таади;

— используются в эпических формулах в паре с другим «металлическим» эпитетом (эпическая вариация: в як.: *алтан-көмүс*; *дьэс алтан*; в алт.: *јес-чой*; *јес-куулы*) и служат для создания образности в эпическом повествовании. При этом выбор тех или иных контекстуальных синонимов обусловлен присущим большинству тюркских языков явлением сингармонизма.

Таким образом, выявленные сходства в функционировании «медных» эпитетов в якутском и алтайском эпических текстах лишний раз подтверждают формирование данных эпосов в едином этническом и временном пространстве в глубокой древности [Пухов 2003, 84].

Однако сопоставительный анализ «медных» эпитетов в эпических текстах якутов и алтайцев позволил также выявить различия в их функционировании:

— в якутском олонхо: лексема *алтан* во всех тюркских и монгольских языках означает ‘золото’: алт. *алтын*, хак. *алтын*, тув. *алдын*, шор. *алтын*, монг. *алтан*, но в современном якутском языке — ‘медь’. Только в некоторых словосочетаниях, часто встречающихся в фольклоре, в том числе в текстах якутского олонхо, она сохраняет исконное общетюркское значение ‘золото’, ‘золотой’; эпитет *алтан* ‘медный’ употребителен, когда речь идет о мире айыы и имеет дополнительную коннотацию ‘добротный, красивый’, а эпитет *дьэс* ‘красномедный’ — когда говорится о Нижнем мире и имеет дополнительную коннотацию ‘внушающее страх,

опасение’; устойчивое сочетание *дьэс алтан* служит постоянным эпитетом к о/с *куөс* ‘горшок’, *харах* ‘глаз’ и служит для усиления негативной эмоционально-экспрессивной оценки явления, предмета; лексема *дьэс* ‘красная медь’ в современном якутском языке вышла из употребления, но сохранилась в эпических текстах в качестве постоянного эпитета к узкому кругу лексем (*эмэгэт* ‘идол’, *куөс* ‘посуда для варки пищи, горшок’, *харах* ‘глаз’);

— в алтайском эпосе: эпитет *јес* ‘медный’ приобретает положительную или отрицательную коннотацию в зависимости от о/с, обозначающего предмет, относящийся к миру людей или подземному миру, отражая дуалистический характер эпического мира; эпитет *куулы* ‘желтомедный’ обнаруживается только два раза: в сочетании с о/с *тайак* ‘посох’ в описании духа — хозяйки Алтая в образе старухи. При этом появляется в качестве эпической вариации эпитета *јес* ‘медный’, усиливая его дополнительную коннотацию ‘добротный, красивый’, и тем самым служит для создания эпической образности. Выявленные различия в функционировании «медных» эпитетов объясняются тем, что, как упоминалось выше, предположительно после XI в.н.э. эпос двух родственных этносов распался, и в течение почти тысячи лет в условиях раздельной истории развития этих народов якутский и алтайский эпосы развивались каждый самостоятельно, без взаимного влияния.

Авторы надеются, что проделанная ими работа будет способствовать распространению научного понимания якутского героического эпоса олонхо как памятника общечеловеческого культурного наследия, дальнейшему углублению и расширению научного изучения национальных эпосов и использованию их потенциала в условиях глобализации.

Источники и материалы

А-Б 2016 — Алтай баатырлар: Алтай кай чорчоктар = Алтайские богатыри: Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 2016. (Памятники эпического наследия Алтая; Т. 2).

Алтайско-русский словарь 2018 — Алтайско-русский словарь / Редколл.: А. Э. Чумакаев (отв. ред.), Н. В. Екеев, А. Н. Майзина и др. Горно-Алтайск, 2018. URL: https://www.niialt.ru/attachments/article/300/250918-1_ars_2018.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

ru/attachments/article/300/250918-1_ars_2018.pdf (дата обращения: 12.09.2020).

Вербицкий 2005 — Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / Сост. В. И. Вербицкий. 2-е изд. Горно-Алтайск: АК-Чечек, 2005.

НБ 1947 — Дьулуруйар Ньургун Боотур = Ньургун Боотур Стремительный: [олонхо] / Текст К. Г. Оросина. Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. На як. и рус. яз.

КК 1985 — Куруубай хааннаах Кулун Кул-лустуур = Строптивный Кулун Куллуустуур: Якутское олонхо / [Сказитель И. Г. Тимофеев-Теплоухов]. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1985. На як. и рус. яз.

КД 1993 — Кыыс Дэбилйэ: Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). На як. и рус. яз.

М-К 1973 — Маадай Кара: Алтайский героический эпос / Сказитель А. Г. Калкин. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1973. На алт. и рус. яз.

Пекарский 1958 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1. М.: АН СССР, 1958.

Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 2, 3. М.: АН СССР, 1959.

Стеблин-Каменский 1963 — Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна; Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.: Л., 1963. URL:http://www.norge.ru/st_kam/ (дата обращения: 01.07.2022).

ЭС 1996 — Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма РАН, 1996. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). На як. и рус. яз.

Исследования

Алексеев 2008 — *Алексеев Н. А.* Этнография и фольклор народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2008.

Аникин 1977 — *Аникин В. П.* К зависимости стиля от образности: (Общетеоретические аспекты) // Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977.

Иванов 2013 — *Иванов В. Н.* К вопросу о сравнительно-историческом изучении олонхо и эпоса тюркоязычных народов (постановка проблемы) // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2013. Т. 10. Вып. 3. С. 53–57.

Конунув 2014 — *Конунув А. А.* Поэтико-стилевые закономерности в разновременных записях сказания «Алтай-Буучай» // Диалог культур: поэтика локального текста: Ма-

тер. IV Междунар. науч. конф. / Под ред. П. В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2014. С. 319–325.

Корякина 2020 — *Корякина Р. В.* Эпитеты, образованные от номинаций драгоценных металлов, в якутском и алтайском эпосах // Эпосоведение. 2020. № 4 (20). С. 116–126.

Корякина 2022 — *Корякина Р. В.* Особенности функционирования одного эпитета в якутском и алтайском эпических текстах // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 36–47.

Невелева 1979 — *Невелева С. Л.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. М.: Наука, 1979.

Орус-оол 1979 — *Орус-оол С. М.* Тувинские героические сказания // Тувинские героические сказания: Хунан-Кара. Боктуг-Кириш, Бора-Шэлей / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1979. С. 10–38. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12).

Павшук 2007 — *Павшук А. В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте: на материале романа Асорина «Воля»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Пухов 2003 — *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов). Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. фил., 2003. С. 84–141.

Пухов 2004 — *Пухов И. В.* Якутский героический эпос-олонхо: Публикация, перевод, теория, типология: Избр. ст. Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. фил., 2004.

Роббек 2009 — *Роббек Л. В.* Функционально-семантические особенности языка олонхо: лексикографический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Чертыхова, Каксин 2022 — *Чертыхова М. Д., Каксин А. Д.* Глагольная репрезентация речи богатырей: на материале хакасского героического сказания «Албынчы» // Эпосоведение. 2022. № 2 (26). С. 5–17.

© Р. В. Корякина, С. Н. Павлова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Корякина Р. В. <http://orcid.org/0000-0009-5459-3829>

Старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Российская Федерация, 677077, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; тел.: +7(4112) 35-20-90; e-mail: georgien17@mail.ru

Павлова С. Н. <http://orcid.org/0000-0002-2389-9659>

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова: Российская Федерация, 677077, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58; тел.: +7(4112) 35-20-90; e-mail: snpavlova@mail.ru

“Copper” Epithets in Yakut and Altai Epics

Raisa V. Koryakina, Svetlana N. Pavlova

(Ammosov-North-Eastern Federal University:
58, Belinskogo str., Yakutsk, 677077, Russian Federation)

Summary. This article discusses epithets denoting copper in Yakut and Altai epic texts. Although these texts have shared common ethnic and historic features since ancient times, there have been few comparative studies of them. The article identifies the semantic meaning and functions of copper epithets as well as their special features. It establishes that such epithets as Yak. *djes* (“copper-red”) and Alt. *jes* (“copper”) as well as Yak. *altan* (“copper”) and *altyn* (“golden”) have a similar sound form. Also, the definable words in the epithets and their functioning coincide. These words also coincide in their spelling as well as in other linguistic features. Such similarities confirm the fact that these epic traditions were established in a common ethnic and temporal space in the distant past. Analysis also shows that the epithet *altan* (“copper”) is used in the Yakut *olonkho* when the world of the *Aiyy* tribe is being described; it has the connotation of “noble” and “beautiful,” while the epithet *djes* (“copper-red”) is used when speaking of the lower world and thus also has the connotation “provoking fear or misgiving.” As for the Altai epic texts, the epithet *jes* (“copper”) acquires a positive or negative connotation depending on the object denoted, which may refer to the human or the underworld. These features reflect the dual character of the epic world in the Altai epic.

Key words: Yakut *olonkho*, Altai epic, a comparative analysis, copper epithets, denotative meaning, connotative meaning.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the NEFU research project “Epic monument of the intangible culture of the Yakuts: textological, typological, cognitive and historical-comparative aspects”.

Received: April 8, 2023.

Date of publication: June 25, 2023.

For citation: Koryakina R. V., Pavlova S. N. “Copper” Epithets in Yakut and Altai Epics. *Traditional Culture*. 2023. Vol. 24. No. 2. Pp. 22–23. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.2.002>

References

Alekseev N. A. (2008) *Jetnografiya i fol'klor narodov Sibiri* [Ethnography and Folklore of the Peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka. In Russian.

Anikin V. P. (1977) *K zavisimosti stilya ot obraznosti (Obshcheteoreticheskie aspekty) [The Dependence of Style on Imagery (General Theoretical Aspects)]*. In: *Fol'klor. Poeticheskaya Sistema* [Folklore. Its Poetic System]. Moscow: Nauka. In Russian.

Chertykova M. D., Kaksin A. D. (2022) *Glagol'naya reprezentatsiya rechi bogatyrei: na materiale khakasskogo geroicheskogo skazaniya “Albynchy”* [Verb Representation of the Speech of Bogatyrs: Based on Material of the Khakass Heroic Story “Albynchy”]. *Eposovedenie* [Epic Studies]. 2022. No. 2 (26). Pp. 5–17. In Russian.

Ivanov V. N. (2013) *K voprosu o sravnitel'no-istoricheskom izuchenii olonho i eposa tyurkojazychnyh narodov (postanovka problemy) [On the Question of the Comparative Historical Study of the Olonkho and the Epos of the Turkic-speaking Peoples (Posing the Problem)]*. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta* [Herald of Northeastern Federal University]. 2013. Vol. 10. No. 3. Pp. 53–57. In Russian.

Konunov A. A. (2014) *Poetiko-stilevyje zakonomernosti v raznovremennyh zapisyah skazaniya “Altai-Buuchai”* [Poetic-Stylistic Regularities in Recordings of the Legend “Altay-Buchay” Made at Different Times]. In: *Dialog kul'tur: poetika lokal'nogo teksta* [Dialogue of Cultures: The Poetics of Local Texts]: Proc. of the IV Intern. Science Conf. Gorno-Altaysk. Gorno-Altaysk State University. Pp. 319–325. In Russian.

Koryakina R. V. (2022) *Osobennosti funkcionirovanija odnogo epiteta v yakutskom i altaiskom epicheskikh tekstakh* [Features of the Functioning of One Epithet in Yakut and Altai Epic Texts]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2022. No. 1. Pp. 36–47. In Russian.

Koryakina R. V. (2020) *Epitety, obrazovanye ot nominatsii dragotsennyh metallov, v yakutskom i altaiskom eposakh* [Epithets Formed from Names of Precious Metals in Yakut and Altai Epics]. *Eposovedenie* [The Study of Epics]. 2020. No. 4 (20). Pp. 116–126. In Russian.

Neveleva S. L. (1979) *Voprosy poetiki drevneindijskogo eposa* [Questions of the Poetics of Ancient Indian Epics]. Moscow: Nauka. In Russian.

Orus-ool S. M. (1997) Tuvinskie geroicheskie skazaniya [Tuvan Heroic Tales]. In: Tuvinskie geroicheskie skazaniya. Khunan-Kara. Buktug-Kirish, Bora-Shelei [Tuvan heroic tales. Hunan-Kara. Buktug-Kirish, Bora-Sheley]. Novosibirsk: Nauka. Pp. 10–38. In Russian.

Pavshuk A. V. (2007) Yazykovaya priroda i funktsii epiteta v khudozhestvennom tekste: na materiale romana Asorina “Volia” [The Linguistic Nature and Functions of the Epithet in the Artistic Text. Based on Material from the Asorin’s Novel “Will”]. Abstract of the PhD dis. Moscow. In Russian.

Pukhov I. V. (2003) Geroicheskii epos tjurko-mongol’skih narodov Sibiri. Obshchnost’, shodstva, razlichiya [The Heroic Epic of the

Turko-Mongolian Peoples of Siberia: Commonality, Similarities, Differences]. In: Epos olonkho i epicheskaya poeziya sakha (yakutov) [The Olonkho Epic and Sakha (Yakut) Epic Poetry]. Yakutsk: AN RS (Ya). Pp. 84–141. In Russian.

Pukhov I. V. (2004) Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Publikatsiya, perevod, teorija, tipologija. Izbr. st. [The Yakut Heroic Epic Olonkho: Publication, Translation, Theory, Typology. Selected Articles]. Yakutsk: SO RAN. In Russian.

Robbek L. V. (2009) Funktsional’no-semanticheskie osobennosti yazyka olonkho. leksikograficheskii aspekt [Functional-Semantic Features of Olonkho. The Lexicographic Aspect]. Moscow. In Russian.

© R. V. Koryakina, S. N. Pavlova, 2023

ABOUT THE AUTHORS

Raisa V. Koryakina <http://orcid.org/0000-0009-5459-3829>

E-mail: georgien17@mail.ru

Tel.: +7(4112) 35-20-90

58, Belinskogo str., Yakutsk, 677077, Russian Federation

Senior Researcher, Olonkho Research Institute, Ammosov-North-Eastern Federal University

Svetlana N. Pavlova <http://orcid.org/0000-0002-2389-9659>

E-mail: snpavlova@mail.ru

Tel.: +7(4112) 35-20-90

58, Belinskogo str., Yakutsk, 677077, Russian Federation

PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Translation, Institute of Foreign Languages and Regional Studies, Ammosov-North-Eastern Federal University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)